

The book cover features a central, ornate label with a scalloped, yellow border. Inside the label, the title is written in a stylized, green, serif font. The text is surrounded by delicate floral and vine motifs in blue, yellow, and green. The background of the cover is a light cream color, adorned with several large, colorful floral illustrations. These include a large, multi-layered flower with pink, blue, and green petals in the upper left; a large, pink and yellow flower with blue accents in the upper right; a large, pink flower with blue and yellow details in the lower left; and a large, pink, fern-like structure with a red and white striped pattern in the lower right. Smaller floral elements and buds are scattered throughout the design.

ПРИНОШЕНИЕ
В ПЕСНЯХ

Гимны Ригведы и библейские псалмы,
Марцелловская месса Палестрины и оратория
Листа «Христос», «Божественная комедия»
Данте и православные иконы, «Исповедь»
Августина и песни Тагора – все они
подтверждают мысль... что «путь веры – это
внутреннее самораскрытие по отношению к
являющемуся в откровении Богу».

А. Мень. В поисках пути, истины и жизни.
Т. I, Истоки религии.

*Дочь Вришабхану Радха с Кришиной сидит на троне
Он из цветов для Хари в зарослях был воздвигнут
В страсть свою погрузившись, нежно касаясь кожи,
Темная, светлая – луны вместе слились и светят.*

*Капли холодной влаги ветер принес с востока.
Темные тучи небо скрыли, и мрак сгустился.
Кришна глядит – промокла Радха, ее укрыл он.
Мокнут деревья манго, мокнут и их одежды.
Тело дрожащей Радхи Хари прикрыл с улыбкой.*

*С каждой упавшей каплей Кришна жмет Радху к сердцу.
Слышится крик павлиний, ветер приносит тучи.
И на волшебной флейте Хари играет «малар».
Оба они друг друга кутают в свете молний,
В яркой одежде мокрой – словно любовь и песня.
Тучи сгоняет ветер, гнутся к земле деревья,
Сур, во взаимном чувстве пара влюбленных тонет.*

Сурсагар.

Я прошу минутной милости—посидѣть возлѣ Тебя. Работу, которая у меня въ рукахъ, я кончу послѣ.

Внѣ зрѣлица лика Твоего мое сердце не знаетъ ни отдыха, ни покоя, и трудъ мой становится безконечной тяготой въ безбрежномъ морѣ тяготъ.

Сегодня лѣто подошло къ моему окну съ своими вздохами и шопотами; и пчелы снуютъ со своимъ пѣніемъ во дворцѣ цвѣтущей роши.

Теперь время сидѣть спокойно, лицомъ къ лицу съ Тобой, и воспѣвать освященіе жизни среди этого безмолвнаго и вѣчнанаго преизбыткомъ досуга.

Въ тотъ день, когда цвѣль логось, мои мысли—увы!—блуждали, и я этого не зналъ. Моя корзина была пуста и цвѣтокъ остался незамѣченнымъ.

Лишь печаль то и дѣло овладѣвала мной, и я вскакивалъ отъ сна и въ южномъ вѣтрѣ чувствовалъ сладкій слѣдъ страннаго благоуханія.

Отъ этой неуловимой сладости болѣло тоскою сердце у меня и мнѣ чудилось, что это пламенное дыханіе лѣта, ищущаго своего завершенія.

Я не зналъ тогда, что оно было такъ близко, что оно—мое, и что эта совершенная сладость расцвѣла въ глубинѣ моего собственнаго сердца.

Истома у тебя на сердцѣ, и дремота
еще владѣтъ очами твоими.

Развѣ не пришла къ тебѣ вѣсть о
томъ, что цвѣтокъ царить во всемъ
блескѣ среди шиповъ? Пробудись, о, про-
будись же! не теряй даромъ времени.

У конца каменистой дороги мой Другъ
сидитъ одинокій среди дѣвственнаго
безлюдья пустыни. Не обмани Его. Про-
будись, о, пробудись же!

Пусть небо томится и трепещетъ
подъ зноемъ полдневнаго солнца, пусть
горячій песокъ распростеръ свой стру-
ящій жажду плащъ. Или нѣтъ радости
въ глубинѣ твоего сердца? И развѣ на
каждый звукъ твоихъ шаговъ не отзо-
вется трона твоя сладкой музыкой боли?

На откосѣ пустынной рѣки, среди высокихъ травъ, я спросилъ ее: „Дѣвушка, куда ты идешь, затемняя плащомъ свою лампаду? Мой домъ совсѣмъ темень и одинокъ—дай мнѣ твой свѣтильникъ!“ Она подняла на мигъ свои черные глаза и взглянула мнѣ въ лицо сквозь сумракъ. „Я пришла къ рѣкѣ“, сказала она, „пустить свою лампаду по теченію, когда дневной свѣтъ померкнетъ на западѣ“. Я стоялъ одинъ среди высокихъ травъ и слѣдилъ за робкимъ пламенемъ ея лампы, безцѣльно плывшей по теченію.

Въ безмолвіи надвигавшейся ночи я спросилъ ее: „Дѣвушка, у васъ всѣ огни зажжены,—куда ты идешь съ своей лампадой? Мой домъ совсѣмъ темень и одинокъ,—дай мнѣ твой свѣтильникъ!“ Она подняла къ моему лицу свои черные глаза и остановилась на

мигъ въ нерѣшимости. „Я пришла“ сказала она, наконецъ, „посвятить свою лампаду небу“. Я стоялъ и слѣдилъ за ея огонькомъ, безцѣльно сторовшимъ въ пустынѣ.

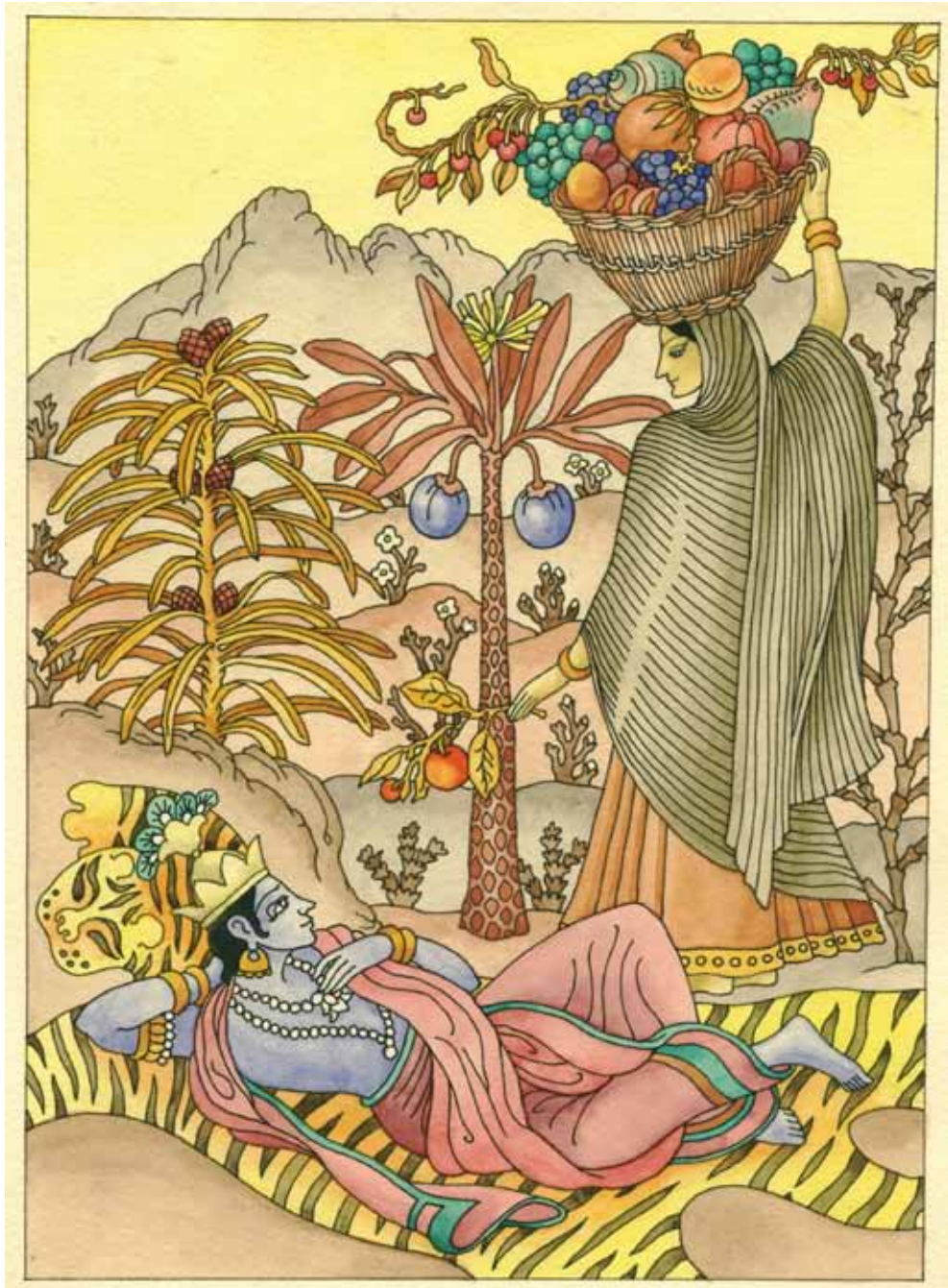
Въ безлунной тьмѣ полуночи я спросилъ ее: „Дѣвушка, зачѣмъ ты держишь лампаду у своего сердца?“ Мой домъ совсѣмъ темень и одинокъ,—дай мнѣ твой свѣтильникъ!“ Она остановилась на мигъ и задумалась, глядя на мое лицо во мракѣ. „Я принесла свою лампаду“, сказала она, „чтобъ присоединиться къ карнавалу факеловъ“. Я стоялъ и слѣдилъ за ея маленькимъ свѣтильникомъ, безцѣльно затерявшимся среди огней.

Я ничего не просила у Тебя; не открыла Тебѣ своего имени. Когда Ты простился, я стояла безмолвная. Я была одна у колодца, гдѣ дерево отбрасывало косую тѣнь; женщины пошли домой съ полными до краевъ коричневыми глиняными кувшинами. Онѣ звали меня и кричали:— „Иди съ нами, скоро уже полдень“.— Но въ какой-то истомѣ я медлила, погрузившись въ смутное раздумье.

Я не слыхала Твоихъ шаговъ, когда ты подошелъ. Твои глаза были печальны, когда обратились на меня; усталостью звучалъ Твой голосъ, когда Ты тихо сказалъ: — „Ахъ, я — жаждущій путникъ“. — Я встрепенулась отъ своихъ грезъ и налила воды изъ своего кувшина въ Твои сложенные горстью руки. Листья

шелестѣли вверху, въ невидимомъ сумракѣ куковала кукушка, и благоуханіе цвѣтовъ бабли доносилось съ поворота дороги.

Я стояла, онѣмѣвъ отъ стыда, когда Ты спросилъ у меня мое имя. Что же я для Тебя сдѣлала, чтобъ Ты хранилъ память обо мнѣ? Но воспоминаніе о томъ, что я могла дать Тебѣ воды, чтобъ утолить Твою жажду; не покинетъ моего сердца и окутаетъ его сладостью. Утро проходитъ, слабѣютъ птичьи голоса, вверху шелестятъ листья, а я сижу и думаю... и думаю...

Утреннее море безмолвія подернулось рябью птичьихъ пѣсень; и радостные цвѣты стояли вдоль края дороги; и золото цѣлыми потоками струилось сквозь прорывъ облаковъ, въ то время, какъ мы торопливо совершали свой путь, не обращая ни на что вниманія.

Мы не пѣли радостныхъ пѣсень и не играли; мы не заходили въ селенія купить что-нибудь; мы не говорили ни слова и не улыбались; мы не останавливались по дорогѣ. Мы все болѣе и болѣе ускоряли наши шаги, по мѣрѣ того, какъ бѣжало время.

Солнце поднялось на середину неба и горлицы ворковали въ тѣни. Поблекшіе листья плясали и кружились въ знойномъ воздухѣ полудня. Мальчикъ пастухъ дремалъ и грезилъ въ тѣни банановаго дерева, и я самъ легъ у ручья и протянулъ на травѣ свои усталые члены.

Мои спутники презрительно смѣялись надо мной; они высоко держали головы и спѣшили впередъ; они никогда не оглядывались назадъ и не отдыхали; они исчезли въ отдаленной голубой дымкѣ. Много луговъ и холмовъ пересѣкли они, и проходили чрезъ невѣдомыя, далекія страны. Честь и слава тебѣ, геройская рать нескончаемой стези! Насмѣшки и укоризны подстрекали меня подняться, но не нашли отклика во мнѣ. Я призналъ себя затеряннымъ въ безднѣ радостнаго смиренія—въ тѣни смутнаго восторга,

Погой расшитаго солнцемъ зеленого сумрака медленно обволакивалъ мое сердце. Я забылъ о цѣли своего странствія и безъ борьбы подчинилъ свои мысли лабиринту тѣней и пѣсенъ.

Наконецъ, когда я очнулся отъ своей дремоты и открылъ глаза, я увидѣлъ, что Ты стоишь надо мной, осѣняя мой сонъ своей улыбкой. А какъ боялся, что дологъ и труденъ будетъ путь, и что тяжело будетъ усиліе достичь Тебя!

Въ густыхъ тѣняхъ дождливаго Юля незримыми шагами проходишь Ты, безмолвный, какъ ночь, избѣгая всѣхъ стражей.

Сегодня утро закрыло свои глаза, не вникая въ настойчивые зовы звонкаго восточнаго вѣтра, и густой пеленой подернулось вѣчно бодрствующее синее небо.

Затихли пѣсни въ лѣсахъ и закрылись двери во всѣхъ домахъ. Ты—одинокій странникъ на этой пустынной дорогѣ. О, мой единственный Другъ, мой Возлюбленный, ворота моего дома открыты—не минуѣ ихъ, какъ сновидѣнїе.

На морскомъ берегу безконечныхъ міровъ собрались дѣти. Безпредѣльное небо неподвижно надъ ними, и немолчныя воды охвачены бурей. На морскомъ берегу безконечныхъ міровъ, съ криками и плясками собрались дѣти.

Они строятъ себѣ домики изъ песку и играютъ пустыми раковинами. Изъ увядшихъ листьевъ они сплетаютъ себѣ кораблики и, улыбаясь, пускаютъ ихъ по широкой пучинѣ. Дѣти играютъ на морскомъ берегу міровъ.

Они не умѣютъ плавать, они не умѣютъ закидывать сѣти. Искатели жемчуга ныряютъ за жемчужинами, кушцы плывутъ на своихъ корабляхъ, а дѣти собираютъ камешки и снова разбрасываютъ ихъ. Они не ищутъ скрытыхъ сокровищъ, они не умѣютъ закидывать сѣти.

Море вздымается съ хохотомъ, и блѣдной улыбкой мерцаетъ морской заливъ. Смертоносныя волны напѣваютъ дѣтямъ незатѣйливыя пѣсни, какъ поетъ мать, качая колыбель младенца. Море играетъ съ дѣтьми, и блѣдной улыбкой мерцаетъ морской заливъ.

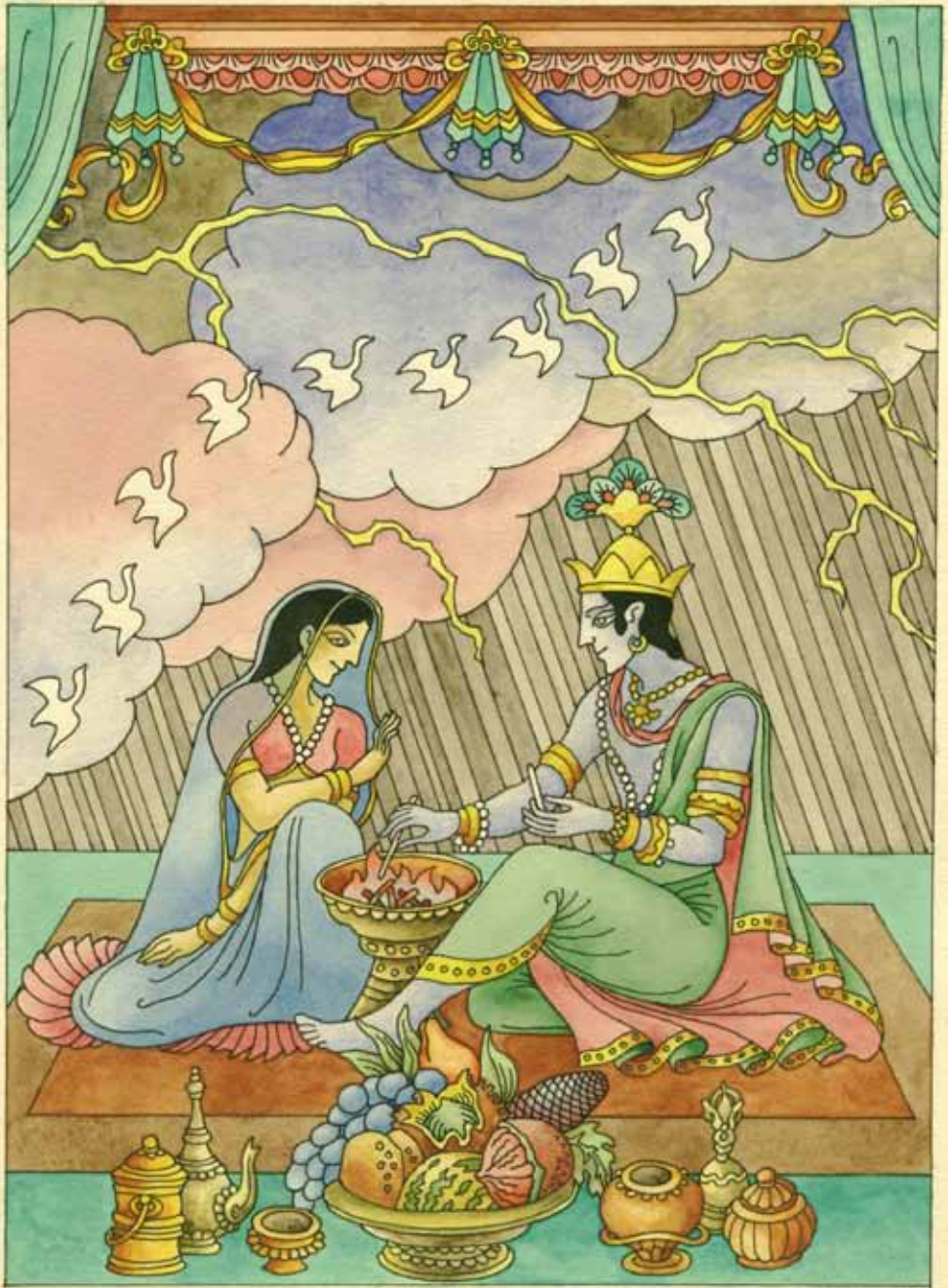
На морскомъ берегу безконечныхъ міровъ собрались дѣти. Буря мечется въ бездорожномъ небѣ; корабли безслѣдно тонуть въ пучинѣ; смерть свирѣпствуетъ, а дѣти играютъ. На морскомъ берегу безконечныхъ міровъ происходитъ великое собраніе дѣтей.

Тучи громоздятся на тучи и становится темно. О, любовь, зачѣмъ ты заставляешь меня ждать за дверью всѣмъ одного?

Въ хлопотливья мгновенія полдневнаго труда я вмѣстѣ съ толпой, но въ этотъ темный сиротливый день я уповаю только на тебя:

Если ты не явишь мнѣ лица своего, если ты совершенно покинешь меня, я не знаю, какъ я проведу эти долгіе, дождливыя часы.

Смотрю и смотрю я въ далекій сумракъ неба, и сердце мое блуждаетъ, и стонетъ съ немолчнымъ вѣтромъ.

Рано утромъ кто-то шепнулъ мнѣ, что мы будемъ плыть въ лодкѣ, только Ты и я, и что никогда ни одна душа на свѣтѣ не узнаетъ объ этомъ нашемъ скитаніи безъ цѣли и безъ конца.

Въ этомъ безбрежномъ океанѣ, въ отвѣтъ на Твою безмолвно внимающую улыбку, мои пѣсни вздымались бы мелодіями, свободными, какъ волны, свободными отъ всякой неволи словъ.

Или время еще не приспѣло? Или еще не всѣ дѣла совершены? Смотри, вечеръ спустился на берегъ и въ гаснущемъ свѣтѣ морскія птицы летятъ къ своимъ гнѣздамъ.

Кто знаетъ, когда разомкнутся цѣпи, и лодка, какъ послѣдній отблескъ заката, исчезнетъ во тьмѣ ночной?

Лѣсня

Южныя ворота открыты. Приходи,
о весна, приходи!

Мы будешь кататься подъ бѣженіе моего
сердца. Приходи, о весна, приходи!

Приходи въ шестѣ листьевъ, въ тономъ
томлении и вѣтовъ;

Приходи въ звукахъ свирѣли и въ
жидкихъ вздохахъ льсовъ!

Опьяненной вѣтеръ будетъ развѣлать
твои легкія одежды!

Приходи, о весна, приходи!

Рабиндракритъ Магору

